

профессор Федор Иванович Успенский

**Воспоминания о В.И. Григоровиче ¹
профессор Федор Иванович Успенский**

Императорский Новороссийский Университет вместе с годовщиной своего основания празднует ныне двадцатипятилетие своей жизни и деятельности. На мою очередь выпало приветствовать почетных гостей и просвещенных участников скромного университетского торжества обычной актовой речью. По многим соображениям я считал для себя обязательным не отвлекать вашего внимания, Мм. Гг., от того учреждения, в честь которого мы собрались сюда. К тому же, как историк, я не мог не воспользоваться настоящим случаем, чтобы проверить на истории Новороссийского Университета следующее положение, одинаково относящееся к лицам и учреждениям: припомните ваше прошлое и если найдете в нем воспоминания, на которых с любовью и благодарностью можете остановиться, то не говорите, что даром прошла жизнь.

Таковы соображения, побудившие меня вспомнить об одном из профессоров Новороссийского Университета, В. И. Григоровиче. Смею думать, что несколько слов, посвященных памяти его, будут соответствовать характеру нынешнего университетского праздника.

Когда в 1874 году я прибыл в Одессу, чтобы начать здесь службу в Университете, Григорович – уже 60–летний старец – составлял одну из крупнейших сил на филологическом факультете и пользовался почетной известностью не только в ученых кружках, но и между университетскими слушателями. Я же имел особенные причины знать его и почитать, так как он соединял славянские занятия с византийскими. Понятно, по этому, что я искал случая побеседовать с ним запросто, чтобы воспользоваться его опытом и начитанностью и попросить его совета. В этих расположениях я отправился к нему раз вечером. Никогда не забуду того церемонного приема и искусственной беседы, которая охладила мой пиетет и поставила меня в крайнее недоразумение. Прежде всего, он начал всемерно принижать себя и расточать похвалы собеседнику. Он – «скромный труженик» провинциального университета, он – «старый чернорабочий», который может только таскать камни, созидать же здание будут другие, лучше его к тому приготовленные и счастливей одаренные. «Вы учились у Срезневского.. у Ламанского? Ах да, это счастливые люди, им все так

легко дается! Как я рад, что вы будете служить здесь, мне старику большая отрада – приветствовать ученые труды молодых людей».— После я узнал, что это была обыкновенная манера у Виктора Ивановича в сношениях с людьми одной с ним профессии, Это было «смирение паче гордости», составляющее отличительное качество характера Григоровича и выражавшееся иногда в странностях и выходках, о которых сложилась целая серия анекдотов.

Впоследствии не раз удавалось находить его в счастливом настроении, он становился занимательным и живым собеседником и охотно делился своими наблюдениями и опытом. Григорович был далеко не заурядный человека, хотя и любил называть себя «чернорабочим» и «тяглым». Он обладал обширным образованием, тонким и отзывчивым чувством, беззаветной любовью к науке, обилием идей. Постоянная сосредоточенность и замкнутость, холостая и одинокая жизнь давала ему много досуга для самоуглубления и анализа. Он относится к числу типичных представителей профессорского сословия, воспитавшихся под влиянием идей тридцатых и сороковых годов.

В. И. Григорович родился в 1815 г. в Балте, Подольской губернии; воспитание получил в Умани, в монастырской школе Василианского ордена; 15 лет поступил в Харьковский университет. Во время студенчества он уже отличался теми чертами, которые составляли особенность его характера. Об этом свидетельствуют воспоминания, записанные академиком Срезневским: «Скромный, застенчивый, можно сказать, боязливый, он хотя и не удалялся от товарищей, но сближался с очень немногими из них и даже сблизившись, оставался робким в сношениях с ними, как будто скрытным, недоверчивым. Это была недоверчивость не к товарищам, а к самому себе, к каждому своему поступку, к каждому слову. Таким он был и в той семье, где, по близости с сыном

добрый матери, был принят родственно радушно. Эта особенность его нрава была главной причиной неблистательного окончания им университетских курсов, тогда как товарищи его пользовались его помощью, чтобы выдерживать экзамены с большим, чем он, успехом. Не только профессорам, но и товарищам, кроме двух–трех, не была известна его склонность увлекаться историческими и поэтическими образами, складностью и звучностью речи, особенно стихов».

Будущему биографу Григоровича встретится необходимость выяснить условия, под которыми складывался его довольно оригинальный характер. Я со своей стороны попытаюсь определить течения, влиявшие на склад его

миросозерцания. Окончив курс в Харьковском университете, Григорович в 1834 г. переехал в Дерпт, где занимался классической филологией и откуда в 1839 г. приглашен был в Казань для приготовления к занятию вновь открытой кафедры славянских наречий. На следующий год (1840/41) был послан за границу и по возвращении из путешествия написал диссертацию «Опыт изложения литературы славян», за которую в 1842 г. получил степень магистра славянской филологии, и которая открыла ему кафедру славянских наречий в Казанском университете.

Диссертация Григоровича, как первое произведение молодого ученого, представляет собой благодарный материал для заключения и выводов к характеристике ее автора. В ней уже ясно выразились те основные черты воззрений Григоровича, которые последовательно проводились и детально развивались в последующих его сочинениях. Существенной особенностью «Опыта» нужно признать то, что в основание его положено философское направление и что части его представлены в стройном порядке причинности и логической последовательности. Философская мысль, поставленная эпитафой на выходном листе диссертации, едва ли не служит вообще объяснением литературных и исторических воззрений Григоровича. Мысль, проведенная в «Опыте», заключается в том, что в истории нет ничего случайного, что все отдельные моменты развития находят себе причину и объяснение в предыдущих стадиях². Григорович первый делает попытку осмыслить отдельные факты славянской истории и литературы и показать необходимость их и логическую последовательность. Руководящим мотивом служит для него живая идея национальности или народности, которая придала интерес его исследованиям и одухотворила его мелочные разыскания.

Другая особенность «Опыта», не менее любопытная для того времени, состоит в том, что история и литература рассматриваются здесь в связи с политическими судьбами народа и что славянская история и литература выдвигается, как стадия общеевропейского умственного и политического развития. Народность, по взглядам Григоровича, определяет, с одной стороны, индивидуальные черты типа, с другой – общие особенности целого рода. Индивидуальные черты славян познаются по фактам духовной деятельности каждого племени. Достоинство индивидуальности определяется тем, насколько она выражает общую идею или, употребляя выражение Григоровича, насколько она стремится к приобретению веса в человечестве. Установив в славянской истории обособляющие начала, давшие выражение противоположностям и типическим различиям, автор

приводит затем эти начала к общим идеям и идеалам человечества, с целью показать участие славян в разработке этих последних.

Идея народности и общечеловеческого призвания славян в первый раз была высказана Григоровичем. Нельзя сомневаться в том, что как общее положение эта мысль почерпнута из Гегеля, системы которого стали выходить в свет в тридцатых годах нынешнего столетия. Но я позволю себе указать, что «Опыт» Григоровича по своему методу и историческим выводам должен быть оцениваем сравнительно с европейскими историческими произведениями сороковых годов. В 1839 г. появилось исследование Рубино, в 1841 г. – сочинение Зибея, в 1853 и 1854 – первые тома Шwegлера и Моммсена. Уже это сопоставление дат показывает большую долю оригинальности и самобытности в диссертации Григоровича.

Если бы положение Григоровича: «всякая стадия развития имеет свое объяснение в предыдущем» и «всякое предыдущее явление в нашей жизни предопределяет последующее» применить к его же собственной индивидуальности, то нам пришлось бы остановиться или на пребывании его в Дерпте, или на путешествии за границей как на тех моментах, которые влияли на склад его мировоззрения. Я больше склоняюсь к предположению, что Григорович обязан был своими оригинальными построениями по славянской истории глубоким и сильным впечатлениям, вынесенным им из пребывания в Риме в 1840–1841 году. К счастью, в его бумагах³ есть заметки о пребывании в Риме, представляющие большой интерес для разгадки направления его. В 1840 г. он отправился за границу слушать лекции в Берлинском университете. Запоздав, однако, к летнему семестру, он воспользовался свободным временем для посещения Вены и Италии. Здесь–то и произошел с ним нравственный перелом, о котором записал он следующее.

«Скоро минули три недели ... и распались оковы гнездившегося во мне дотоле одностороннего немецкого влияния, сосредоточившие для меня все знание, весь опыт в стенах немецкого университета и что еще сильнее – все совершенство человека в формах немецкой жизни. Совершилось освобождение, которого еще не в силах были доставить ни Ломбардия, ни Венеция. Я решился не ехать эту зиму в Берлин и остался в Риме, и вместо трех недель провел в нем почти восемь месяцев. Это имело решительное влияние на все мои путешествия.– Описывать Рим не есть моя цель, я нигде не вел журнала, а в Риме еще менее. Некоторые минуты, некоторые дни остались в памяти, откуда ничто их не изгладит. Один раз – это было зимой – я отправился со своими друзьями во Фраскатти, где я

часто проводил по несколько дней; на другой день мы со светом отправились вдоль Албанских гор с целью подняться на вершину Monte Savo, где находится уединенный монастырь. С этой вершины мне открылось величие Божие. Этого чувства не поймешь ни прежде, ни после, но я помню его. Память о нем да представится мне грозным укором всякий раз, как возропщу на жизнь. В открытом предо мною пространстве казались написанными судьбы Божии во все времена человечества. Но не объяснить ни в одном слове, ни в целой книге того, что было только чувство, сосредоточившее в себе полное развитие. Это было откровение, которого удостаивается человек, но которое проносится перед ним как молния мгновенно и оставляет за собой жизнь, чтобы, благодаря за него, развивать его в своем сознании».⁴

Выяснить характер тех сложных ощущений, которые неожиданно посетили Григоровича как откровение на Monte Savo, я не берусь; но, несомненно, из этих ощущений сложилась его философская теория, лежащая в основании его взгляда на историю и литературу славян. При взгляде на природу местности древнего Рима, Григорович воспринял как нечто живое, твердое и неизменное – идею национальности; при взгляде на историю распространения римской власти, он понял как нечто необходимое и совместимое с национальным самосознанием – идею всеобщности. «Вот два элемента или две идеи, выраженные самой природой римской; свободное стремление к распространению, к бесконечности и всегдашнее пребывание в определенных постоянных границах. Их равновесие было моментом высшего могущества древнего Рима, их взаимные отношения определяют всю судьбу его в древности. Покоряя соседей и распространяя свое владычество над Италией, Рим все же остается в собственных границах, ибо не допускает подчиненных делаться причастными имени Римского. Пока тесно хранилась национальность, непоколебимо стоял он против всех внешних нападений. Принужденный сообщать другим то, что он один думал противопоставить всему миру, он сам охладел к этому миру, охладел к подвигам, разделяемым с самозванцами. Он удалил свое участие в делах мира, который завоевывали и открывали его именем, и этот мир весь обрушился на него».⁵ Отделилась от него на востоке половина его царства, неправильно удержав на себе его имя безо всякой национальности».

Посетившее Григоровича откровение до известной степени я могу объяснить себе как очень живую идею единства в разнообразии как дельный взгляд на судьбы древнего и нового Рима. В силу этой идеи все разнообразие исторических фактов легко сводится к двум руководящим

началам: национальность и христианство. Так как выяснению значения этих начал в славянской истории посвящены ближайшие по времени труды Григоровича, то можно сказать, что характер его мировоззрения сложился в Риме. Во всяком случае, он запасся здесь священным огнем и, как древняя весталка⁶, поддерживал его неугасаемым во всю свою жизнь. Он сдержал данное себе тогда слово и неусыпно блюл над собой, чтобы не возроптать на жизнь и не впасть в малодушие и бездеятельность. На Monte Savo Григорович испытал один из тех высоких душевных порывов, которые просветляют человека, давая ему силу на нравственный подвиг, на исполнение долга или на самопожертвование. Благо тому, кто сохранил способность прислушиваться к подобным высоким внушениям!

Самым крупным научным и вместе общественным подвигом Григоровича нужно признать его путешествие по славянским землям, предпринятое в 1844 г. и продолжавшееся больше 2 ½ лет. Уже в своем плане путешествия Григорович обнаружил, как серьезно относился он к задачам изучения славянства и как широко понимал эти задачи. Срезневский, занимавший тогда славянскую кафедру в Харькове, говорит об этом в своих воспоминаниях следующее: «Проездом через Харьков, Григорович остановился в нем, и мы сошлись как товарищи. Тогда мы лучше поняли друг друга, и я не мог не оценить его как увлеченного труженика науки, очень начитанного и много думавшего. Теперь явился он мне еще в новом свете, как ученый, предпринимавший путешествие со строго обдуманной целью, понятой совершенно самостоятельно, совершенно отлично от тех целей, которые имели в виду все мы, другие, прежде его ездившие в славянские земли».

В своем путешествии по Европейской Турции Григорович пытался раскрыть и обосновать индивидуальные и общечеловеческие черты у славян. Высшее проявление последних он усматривает в христианском просвещении. Христианские народы, говорит он, во всех направлениях своей нравственной деятельности, христианством приводят в движение все свои нравственные силы. Христианство, как источник индивидуального и народного просвещения, поставило славянские племена в ряду народов, трудящихся для человечества, связало их жизнь с жизнью древних и новых цивилизованных народов и спасло их для человечества. Этим основным воззрением Григоровича объясняется то, что он с особенной любовью и пылкостью разыскивал следы памяти о жизни и деяниях славянских просветителей. Его главное внимание устремлено было на христианскую древность, для чего он обозревал монастыри и церкви, допытывался остатков старинной славянской письменности. Испытанные им при этом

труды и лишения не пропали даром. Он доискался памятников, никем дотоле не виденных и никому неизвестных. Частью приобретенные им, частью же списанные рукописи дали ему неисчерпаемый материал и для последующих работ⁷, которые отличаются особенным присущим Григоровичу качеством оригинальности. Вообще же личное ознакомление с жизнью южных славян и изучение языка их и литературы обогатило его запасом научных сведений и широко раздвинуло его кругозор. Известен Очерк путешествия его по Европейской Турции, появившийся в 1848 и перепечатанный в 1877 году. Этим замечательным произведением научной наблюдательности, по выражению академика Срезневского, едва ли когда перестанут дорожить славянские филологи и археологи.

Вскоре по возвращении из путешествия Григорович неожиданно получил новое назначение в Москву, на место профессора Бодянского. Вопрос о перемещении решен был еще в конце 1847 года, но по специальному ходатайству попечителя Казанского учебного округа Григоровичу разрешено было остаться на месте до лета 1848 года. Это назначение поставило Григоровича в большое затруднение, так как он не искал его, видимо не желал расстаться с Казанью и сожалел о постигшем Бодянского несчастье⁸. К тому же он имел основания полагать, что в деле Бодянского более играют роль личные счеты, чем интересы науки, и потому опасался быть вовлеченным в чуждые его наклонностям распри. Опасения его имели свое основание, ибо через год Бодянскому возвращена была его кафедра в Москве, а Григорович снова переведен в Казань (1849 г.).

О московских впечатлениях находим в переписке Григоровича, между прочим, следующее: «Нашел прием очень милостивый. Шевырев и Погодин навестили меня и своим участием ободрили. Так как я желал непосредственно ознакомиться с профессорами моего отделения, а частными визитами не успел бы скоро достигнуть этого, то Шевырев доставил мне приятнейшее удовольствие свести с ними знакомство в его доме. Это было для меня весьма полезно. С 16 числа начал лекции свои, т. е. почти не позже других преподавателей, начинающих с 5 числа. Первую лекцию посвятил я изложению своих понятий о древнеславянском языке, как средоточии славянской филологии⁹. В Москве я более чувствую важность и святость этого языка – недаром я сиживал над своими рукописями. Не знаю, буду ли я полезен в Москве, но верно знаю, что Москва дает мне много душевной пользы. Я твердо уверен, что мое перемещение, которому я, не забывая, кто я, из каких я, отчаянно противоречил, не без содействия промысла Божия. Если так, то грешно

будет тем, кому известны эти противоречия, которые искренно исповедовал, если они пожелают воспользоваться ими. – Есть и в Москве мне препятствия, которые частью от меня происходят, частью мне извне готовятся. Предвижу их вдали, но ободряю себя мыслью, что если не будет со стороны неблагонамеренного усилия, не испытаю много вреда».

Для характеристики взглядов и ученого направления Григоровича важное значение имеет упомянутая выше лекция его в Московском университете, повторенная в Казани в 1851 году¹⁰: О значении церковного славянского языка. По внутреннему содержанию, в особенности же по философским обобщениям и выводам, эта речь должна быть рассматриваема в связи с его магистерской диссертацией, появившейся за 9 перед тем лет. Там 27-летний мыслитель ставит идею национальности в основании изучения литературы и истории славян и излагает теорию способов, какими познается участие славян в общечеловеческом развитии. Здесь на место теории поставлены уже конкретные факты, отвлеченные представления облечены в образы. Девять лет вникания и самоуглубления сопровождалось для Григоровича новыми приобретениями. Теперь он уже нашел и достаточно оценил универсальное значение того начала, которым славяне, по его же выражению, стремятся приобрести вес в человечестве. Это есть родовой, типический славянский признак и в тоже время всемирно-исторический, в нем выражается особенность и противоположность славянская и в тоже время универсальность. Это начало он усматривает в церковнославянском языке.

Речь Григоровича о значении церковнославянского языка проникнута вдохновением и убеждением. «Путем тяжких мелочных поисков, говорит он, ум человеческий приводит к сознанию законы духовной природы нашей и в языке открывает начала мышления. Проникая в организм слова, языкознание показывает связь его с процессом мышления и изображает нам язык не простым только отголоском чувственного человека, но и определительным указателем законов духа. Каждый язык тесно связан с назначением народа и есть следствие действия лежащих в нем нравственных сил. Язык есть мерило нравственного призвания народов в истории».— Оценивая с этой точки зрения церковнославянский язык, Григорович высказывает замечательные мысли, не потерявшие и по ныне свою силу и свежесть. В церковнославянском языке он усматривает начала духовного единства, скрепившие разрозненные племена. При скудном содержании народности, при всеобщей религиозной потребности, этот язык представлял общность направления всех племен. Предоставляя выражение частных потребностей отдельным наречиям, он обобщал

племена, разрозненные в пространстве. Заклучая в себе главные условия разнообразия наречий в звуках и формах, и потому сближаясь с каждым, он то оправдывает их отличительные признаки, то даже способствует к раскрытию в них первообразного.

Таковы филологические особенности церковнославянского языка. Еще любопытней значение его общественное и политическое, которое раскрыто Григоровичем с особенной энергией замечательной для того времени. Охраняя предание, церковнославянский язык дарует нами общение с предками, сближает нас в обширном отечестве нашем; находясь во взаимности с родными наречиями, он приводит нас к общению с соплеменниками; наконец, целостно поясняемый он расширяет пределы нашего сознания и ставит нас в обширнейшую сферу образованных народов. Словом, в церковнославянском языке Григорович усматривает залог непоколебимости и твердости наших общественных начал, условие славянской взаимности и стимул к просвещению и общечеловеческому развитию. Он первый пустил в оборот очень распространенное теперь выражение «славянская взаимность», которое у него, впрочем, имеет столько же научный смысл, сколько и политический.

В Казани вполне определилось научное направление Григоровича, на него возлагались большие надежды, от него ожидали крупных филологических работ. Его специальная подготовка и обширное образование, казалось, выдвигали в нем первоклассного славянского филолога, который должен стать выше Бодянского, Прейса и Срезневского. Но Григорович был слишком живая и отзывчивая натура, он любил ставить себе разнообразные темы и каждой занимался охотно и с любовью, достигая часто блестящих выводов. Во всякой его статье непременно отыщется искорка – признак высокой талантливости; но мелкими статьями не создаются направления, не образуются ученые школы, к тому же очень скоро забываются и часто проходят бесследно. Вообще не плодovitый писатель и не охотник печататься, Григорович так поставил себя в глазах ученого мира, что от него ждали крупного труда, в котором будет сказано новое слово. И он действительно часто говорил о неисполненном долге, о подведении итогов, но до конца жизни остался лишь при добрых пожеланиях.

Между статьями, блестящими искорками таланта и высокого научного достоинства, я не могу не отметить речь «О Сербии в ее отношении к соседним державам», произнесенную в 1858 году. Стоит остановиться вниманием хотя бы на том обстоятельстве, что здесь казанский славист выдвигает вопрос о значении византийских занятий для

успехов славистики. Этот вопрос «был тогда почти совершенно чужд» его товарищам по профессии, которые стали ценить его лишь по тому, что им увлекался Григорович, показав в нем огромный запас знаний и смелость соображений¹¹. Упомянутой речью брошено было новое слово о необходимой связи между изучением Византии и Славян. Этим словом определяется целое направление с широкими научными перспективами; следовало только точнее определить эту связь, которая в настоящее время может быть выражена в следующей формуле: изучение славянства в Византии и византинизма в славянстве. Григорович был так близок к выражению этой формулы, что его смело можно назвать первым в России византинистом.

В интересующей нас статье Григорович трактует о славянской истории в конце 14 и в начале 15 века, когда османские турки утверждались на Балканском полуострове, и пытается разгадать причины падения Сербии. Три начала, говорит он, управляли жизнью народов, находившихся в непосредственных отношениях между собою. Славяне основывали свою самостоятельность на непреодолимой, хотя и не ясно сознаваемой потребности, оградить свою народность; Византия – на политике, вытекающей из отвлеченной теории о римском владычестве; феодализм торжествовал там, где нарушалась связь народного общения. Указывая основной элемент славянской государственности в народном самосознании, Григорович характеризует далее чуждые начала, враждебно действовавшие на Сербов. Некоторые черты византинизма определены весьма тонко и свидетельствуют о глубоком изучении предмета; такова мысль, что в византинизме недостает идеи народности, ибо эллинизм, которым иногда прикрывается понятие византинизма, далеко на самом деле ему не отвечает. «Обессилив коренной греческий народ, Византия отвлеченному понятию о римлянине придавала значение преимущества, служившего к разобщению, не к соединению ее обитателей. Византийцы не жили общей жизнью, не волновались общим чувством, но образуясь как софисты, копировали с древних участие к гражданским доблестям, а, в сущности, исполнены были отвлеченной премудрости. Среди опасностей, угрожавших целости отечества, византийцы не раз изменяли его пользам, веря чужим защиту его и забывая, что сила государства лежит в сочувствии собственного народа». Не менее богата историческим пониманием и другая мысль, проводимая в этой статье, о политических партиях в Византии; временным торжеством той или другой из этих партий объясняются колебания византийской политики то на сторону союза с латинянами, то со славянами, то, наконец, с турками.

Цивилизованные греки космополитического направления стояли на стороне союза с западными народами. Как показали последствия, это направление из всех было самое близорукое и не национальное. Удары, испытанные Сербией при Марице и на Коссовом поле, были следствием политической измены со стороны Византии и корысти их расчетов отдельных лиц. – Точно также весьма остроумно и то соображение, что изгнание турок из Европы еще возможно было при дружном содействии заинтересованных в этом государств, но близорукая политика и корыстолюбивые расчеты сделали то, что вопрос о турках обратился в тему для риторических возгласов, за которыми скрывались виды на политическое и религиозное господство среди славян Балканского полуострова.

К началу шестидесятых годов византийские занятия, по-видимому, сильно захватили Григоровича. Так как Казанский университет по своей отдаленности и недостатку пособий представлял мало удобства для занятий Византией, то Григорович стал подумывать о перемене места деятельности.

Уже в 1860 году он наметил Одессу, как преимущественно пригодный пункт для «широких целей византийско-славянских занятий. Одесса привлекла его внимание как окраинный русский город, где находятся в соприкосновении греческая, румынская и русская народность. В помеченной 1860 годом записке он развивает план основания на юге (при Лицее) кафедры славянской филологии с некоторыми сообразными местами учениями. В числе этих условий новогреческий и румынские языки и литературы имеют выдающееся место. Соображения Григоровича о том, что преподавателю славянской филологии на юге необходимо соединить византийские и румынские занятия, так важны и отличаются таким верным пониманием потребностей местной русской науки, что я не могу отказать себе в удовольствии напомнить эти соображения нашего даровитого слависта и византиниста.

«Кто не замечает успехов гражданственности Греков, кто не признает их на столько, насколько они достойны уважения? Вникнув, однако, ближе в умственное движение Греков, можно заметить, что оно носит двойственный характер. Сознав вполне необходимость преобразований для себя, основывая на них свои попытки преобладания над другими народностями, Греки именно по отношению к этим народностям продолжают почти неуклонно византийское прежнее направление. Отчуждая от себя другие народы, они постоянно взирают на них как на средство, но не как на сподвижников своих успехов. Этим определяется

сущность недоразумений, возникающих между ними и другими народами. Преследуя эту мысль в делах отдельных лиц, в общественных отношениях и словесности, тот, кому дорого мирное движение просвещения, имел бы обязанностью непрестанно раскрывать ее для вразумления. Сравнительно с ними Румыны обладают не меньшей самоуверенностью и, легкомысленно величаясь своим происхождением, сильнее и сильнее выражают в умственном движении своем необходимость восстановления латинизма. Это ставит их более чем прежде в противоположность с соседними славянами. Забыв, что, подчиняясь долго славянскому Богослужению, не насилем, но взаимностью сближались со славянами, они ныне, подобно грекам, пытаются осилить славян. С другой стороны славяне, оставленные надолго в страдательном положении, ныне ринувшись в борьбу без внутренней духовной опоры, увлекаются в подражании тому, что прежде служило их врагам орудием их же угнетения. Теряясь в этом подражании, они нередко, как думаю, забывают о почве, на которой поставлены, и вместо существенного довольствуются наружностью. В своих отношениях к грекам и румынам они недовольно ясно сознают те истинные преимущества, которые имеют в действительности перед ними. Эта неясность сознания своих преимуществ может подчинить их слепому влиянию чужих».

«Следить за направлением литературного и общественного движения у этих народов и выражать свои наблюдения, было бы обязанностью преподавателя славянской филологии. Уму моему давно рисуется план временного издания, в котором складывались бы сведения о южных землях заселенных славянами, румынами и греками. Не притязая на политическое значение, и не выходя из скромного объема, оно могло бы служить посредником в передаче постоянно увеличивающихся сведений о древностях, географии, этнографии и словесности соседних народов».

Здесь намечены, бесспорно, самые настоятельные задачи местных научных потребностей. Григорович, принимая на себя осуществление этих задач, столько же надеялся на содействие правительства, сколько на сочувствие и поддержку среди живших в Одессе греков, румын и южных славян. Выставляя научное знамя, он хотел собрать к нему дружину охотников, с которыми надеялся распутать международную тяжбу. Он поощряет доверие к беспристрастию науки следующими золотыми словами: «В деле просвещения, особенно в щекотливом вопросе о народностях, нужно давать место частным направлениям и, не подавляя их, возвышаться над ними, пробуждая высшие потребности. Признание народностей, познание их существенных нужд с целью найти способы их

примирения и останавливать неразумное соперничество – становится отличительной чертой русского просвещения. Поставив науку посредницей в явном или скрытом споре народностей, русское просвещение, знаменуясь терпимостью, придаст русскому языку ту необходимость, какую приобрели некоторые европейские языки, выражая собой высшие духовные потребности. Кафедра славянской филологии, имея целью усиливать беспристрастное изучение языка и быта народов, будет не проповедницей распрей, но мирным органом науки, ведущей к соглашению».

Казанский период жизни Григоровича отличается весьма определенным поступательным движением в его развитии. С каждым новым произведением кругозор его заметно расширяется, научные задачи углубляются, он все еще обнаруживает признаки роста. Его тянуло в Одессу, и он получил назначение в Новороссийский университет, открытый в 1865 году. Но здесь, на этом новом поприще деятельности, куда он прибыл с прекрасными планами и возвышенными замыслами, мы не найдем более того же Григоровича.

Ему было 50 лет, когда открывался университет¹² – далеко еще не такой возраст, чтобы предполагать у него ослабление сил. Но первые впечатления в Одессе были такого свойства, что заставили его пожалеть о Казани и лишили надежд на осуществление тех планов, которые он составил ранее. Словом, Одесса во многом обманула его ожидания. «Пока еще не открыт в Одессе университет, – писал он, – можно высказывать смело сомнения в его пользе. Наружная просвещенность едва прикрывает бесхарактерность общества, отвлекаемого материальными интересами. Университету среди такого общества несдобровать. Он волей неволей будет служить пошлому космополитизму, и им будут пользоваться скорее жида, да и вообще чужие, чем русские. Здешнее общество, мне кажется, не имеет еще искренней потребности в науке. Что, сказать о той науке, которой посвящаю себя? Называя свое направление византийско-славянским, я надеялся найти здесь пособия. Но можно ли найти их среди славян, зараженных фанариотизмом¹³ более греков, среди людей высшего класса, которым политическая болтовня заставляет забыть, что есть еще грамматика, история, география, старина... При таких обстоятельствах тяжело трудиться на юге. Если ничего не удастся сделать, то единственная моя мысль – просить начальство воротить меня на службу в Киевский или Харьковский округ».

Прежде всего, столкновения с коммерческими практическими людьми Одессы охладили его идеальность и рассеяли его заветные мечты

о славянской взаимности. «Всякая идеальность, – писал он, – разбивается среди той обстановки, в которой приходится мне действовать. Это будет понятно всякому, кто имел несчастье разочароваться в своих мечтах»... Далее Григорович разбит был на всех пунктах по отношению к задуманной в Казани программе: он не достиг такой постановки преподавания славянской филологии, о какой мечтал; не нашел в местном греческом и славянском обществе сочувствия к своим научным идеям; ему, наконец, не удалось организовать ученое издание. Потерпев поражение в том, что он считал настоятельной потребностью русского просвещения, Григорович не нашел более достаточных поощрений во внутреннем неугасающем огоньке, который согревал его казанские произведения. Он начал малодушествовать, жаловаться на обстоятельства. Под этими неудачами развилась и его выдающаяся черта – смирение паче гордости, которая ставила собеседников его в большое недоумение. Как будто в оправдание постигших неудач, он часто повторял следующее: «Дабы заслужить доверие, нужно пользоваться сочувствием, а для этого необходимо владеть духом смиренномудрия и любви». Но как в человеке неудовлетворенном средой и претендующем на общественную руководящую деятельность, в нем заявляло себя при этом не самоотречение, а скорей отщепенство.

Были моменты и в одесской жизни Григоровича, вновь пробудившие его разносторонние знания и снова вызвавшие его к составлению проектов. По случаю основания и открытия в Одессе Славянского Благотворительного Общества он воспрянул духом и думал хоть часть своих прежних планов осуществить через это общество. Но и здесь ему не удалось занять руководящей роли, которая попала к другим; наружно прибегая под защиту «духа смиренномудрия», он втайне раздражался и негодовал. «Отсутствие воодушевления одной мыслью, самолюбивое присвоение себе того, чего не требует благотворительность и равнодушие к тому, чего она требует, дознаются горьким опытом. В Одессе господа болгары и сербы чужды друг для друга. При ближайшем внимании, может быть, окажется, что и среди болгар, отдельно взятых, и среди сербов преобладает отчуждение. Даже среди православных болгар и сербов слышны лишь отклики на сочувствие русских к их единоплеменникам и обычные причитания о своих бедствиях».

Прожив, однако, в Одессе около 12 лет, Григорович не мог остаться незатронутым местными научными потребностями, которые имели уже тогда весьма энергичного представителя в лице Ф. К. Бруна. Ставя рядом имена Григоровича и Бруна, я нахожусь в большом затруднении, которому

из них отдать преимущество в смысле добрых университетских традиций, передающихся из поколения в поколение. Обоим свойственна пылливость и беззаветная преданность интересам науки; одинаково о том и другом можно сказать, что это были люди не от мира сего. Тот и другой любили обращаться в идеальной области научных вопросов, и, будучи сильными и настойчивыми у себя в кабинете, в составлении научных теорий, являлись робкими и уступчивыми в сношениях с людьми и почти всегда были в проигрыше в практической жизни. По прекрасному древнему поэтическому образу, Бруну и Григоровичу на земле не досталось жеребья¹⁴, они получили надземный мир и витали в области идеалов. Но я глубоко убежден и позволяю себе настойчиво утверждать, что если суждено у нас когда-либо образоваться школе со своими определенными задачами и методом по изучению южнорусской старины, то во главе этой школы станут предания, идущие от Бруна и Григоровича.

Нельзя не сожалеть, что Григорович уже на склоне лет, а не в творческий период деятельности, обратился к тем вопросам, которые занимали его ум в последние годы жизни, разумею географию и этнографию южного края. От правильной постановки этих вопросов, разработки которых хватит соединенным усилиям многих поколений, зависят насущные интересы русской науки. И именно Григорович, по свойству своего ума и предыдущего опыта, отличался особенным умением ставить такие задачи, которые разрешаются на основании поездок и исследований на месте. В разведках и разговорах с местными старожилками он на лету хватал намеки и указания, которые служили ему путеводной нитью в дальнейших поисках, приводя к интересным выводам и построениям. По отношению к задачам местного изучения Григорович успел высказаться лишь в кратких заметках и небольших статьях, проникнутых, как и все им написанное, убеждением и свежестью идеи. И в этих кратких заметках встречаем иногда блестящие стороны казанского периода: в них схвачена живая сторона вопроса, подробности и детали не затемняют общей идеи. С точки зрения общей оценки деятельности Григоровича, обращение его к южнорусской старине не есть измена прежнему направлению. Припомним, что уже при переселении в Одессу он имел в виду задачи этнографии или изучение взаимных отношений греческой, румынской и славянской народностей. Обманувшись в средствах, коими могла располагать Одесса для достижения этих задач, Григорович принужден был ограничиться более тесным кругом наблюдений, и в этом последнем география и этнография южного края заняла центральное место.

Статьями и заметками по географии и этнографии, написанным в Одессе, можно придавать значение не по добытым ими научным результатам, а особенно по методологическим приемам. Опыт научил Григоровича распознаванию более верным путей, какими приобретаются хорошие сведения топографические и этнографические. Самая тонкая ученая подготовка и обширное знакомство с текстами здесь часто могут не принести пользы. Замечая, что названия местностей подвергаются переменам по прихоти случайных насельников и что нить исторического предания не редко прерывается вследствие внешних обстоятельств, он пытался открыть устойчивые элементы, в которых сохранились надежнейшие показатели старины. Убедившись далее из личного опыта во время своих путешествий и экскурсий, что административные лица и привилегированные сословия не всегда охотно входят в интересы отвлеченной науки и мало оказывают содействия исследователям, не имеющим видного официального положения, Григорович старался, по возможности, обходиться без содействия подобных лиц, и рекомендовал прямой и более верный путь через расспросы местных жителей.

Этот путь собирания сведений развит был им в систему, соответствующую его теории о «смиренномудрии» и выражавшуюся в характерных чертах его внешнего поведения. Как известно, Григорович любил щеголять усвоенным себе тенденциозным прозвищем «чернорабочий». В царстве науки он выделял, как в экономической жизни, разряд производителей и потребителей. Чернорабочие или тяглые люди, непосредственно занятые обработкой земли, составляют такой же элемент в экономической жизни государства, какой в науке принадлежит тем ученым, которые работают на невспаханной научной ниве. Называя себя то тяглым, то чернорабочими, он имел претензию отличить себя от тех товарищей по специальности, которые являлись в его глазах потребителями, перерабатывавшими добытый другими материал. Таким образом, под знаменем смиренномудрия скорей скрывалась идея опричнины или отщепенства, а не признания своей слабости перед другими.

Но оставляя в стороне указанный элемент тенденциозности, я не могу не считать справедливым очень многие высказанные им в этом отношении мысли. Григорович первый обратил внимание на староверов, как на главных двигателей промышленности на юге России и верных хранителей старины, рекомендуя обратиться к ним с открытым посланием, чтобы они заявили, какие рукописи не церковного содержания могли замешаться среди их сокровищ. Они же высказывали большие надежды на

соревнование, пробуждающееся среди приходского духовенства и народных учителей, рекомендуя поддержать и дать руководство этим силам, отзывчивым на вопросы истинного изучения. Наконец, вообще в тяглых людях и туземцах он указал верных хранителей местных преданий, дорожащих отношениями земли, на которой они сидят. Словом, по вопросу организации занятий этнографией и географией он выдвигал местные провинциальные силы. И можно утверждать, что намеченные им элементы действительно удовлетворили бы возникающей научной потребности, если бы образовалось на юге центральное учреждение, могущее дать им надлежащее направление и руководство. Необходимость коллективных усилий, чтобы справиться с трудной задачей местного изучения, живо сознаваема была Григоровичем, занимала его перед самой смертью и, так сказать, оставлена в наследство тем, кому будут дороги научные традиции. Поздно, однако, напав на живой предмет изучения южнорусской старины, и приглашая «бедных тружеников», «тяглых людей» и «истых туземцев» подслушивать в народе подлинные названия мест, он не успел ни организовать своих тяглых людей в артельный плуг, ни подробней развить план коллективных занятий.

Остановлюсь на одной из одесских статей Григоровича. Изданную им в 1876 году «Записку о пособиях к изучению южнорусской земли, находящихся в военно-ученом архиве главного штаба» благовременно вспомнить теперь, когда Одесса готовится праздновать свой столетний юбилей. Позволю себе особенно подчеркнуть следующие слова почтенного ветерана русской науки. «Южная Россия только тому будет хорошо известна, кому дарована будет возможность терпеливо проследить весь богатый материал архива Главного Штаба от атласов до чертежей, от общих обозрений края до топографических описей и маршрутов. Стоит только изучать документы этого архива, чтобы при изучении этом пришла сама собой мысль о том, что с подвигами русских воинов возрастают неисчерпаемые запасы для решения вопросов науки». Знакомя с атласами и картами конца 18 века, равно как и с официальными документами времени Екатерины Великой, Григорович указывает действительно поразительные по своей новости факты, иллюстрирующие бытовую повесть края. Таков, например, факт переселения из Крыма в тогдашнюю азовскую губернию более 30.000 душ христианского населения. – В этой же Записке находим намеки до некоторой степени знакомящие со взглядами его на метод будущих занятий. «Чтобы достигнуть указываемой наукой цели раскрытия богатого родника бытовых отношений, необходимы частные поездки в главные местности и справки с разными

документами. Посредством исследований на месте следует приготовить подробные списки не населенных только мест, но и тех, которые окружают их в качестве балок, нагорий, долин, городищ и разных урочищ. Собранные названия должны быть истолкованы лингвистически, такой толковый разбор укажет на бытовые отношения прежних времен».

Большинство статей Григоровича забыто, или известно самому тесному кругу специалистов. Научное значение его деятельности весьма мало оценено. В некрологах и воспоминаниях, написанных вскоре по его смерти, особенно трогательными чертами, изображалась привлекательная фигура гуманного профессора. И едва ли я ошибусь, сказав, что в университетских поколениях и доселе еще живут предания, рисующие Григоровича именно с этой стороны. Если бы я не слышал и не читал благоговейных воспоминаний о любовных отношениях его к своим слушателям, и тогда мне едва ли было бы возможно в настоящем случае, говоря о профессоре, читавшем лекции 35 лет, не сказать ничего об его отношениях к студентам. В своих поисках за тяглыми людьми он не мог, конечно, миновать университетских слушателей; при том же, будучи человеком одиноким и всецело преданным своим университетским обязанностям, он никогда не запирает своих дверей перед ними. Результатами своих исследований он, прежде всего, делился со своей немногочисленной аудиторией и производил на нее сильное впечатление. В сношениях с молодежью, по-видимому, он оставался прост и искренен, пробуждая в ней добрые порывы и стремление к идеалам. Многие из его слушателей запаслись у него священным огнем, который не угасает и до сих пор. Что может лучше нижеследующего письма нарисовать отношения профессора и студентов доброго старого времени?

«В лестном выражении вашего дорогого мне письма, – отвечает Григорович студентам, – я с душевной отрадой прочел для себя незабвенный урок, что внимание молодого поколения есть лучший залог связи прошедшего с настоящим, что старое поколение не даром отживает свой век, Ваше письмо носит убедительные доказательства двух возвышенных помыслов, движущих тех юных тружеников науки, с которыми имел я честь обращаться. Пылливость и доверие – это двигатели в их трудах, это посредники между ними и их руководителями. Воодушевляемые пылливостью, вы из-за любви к науке готовы забыть недостатки ее преподавателя. Исполненные доверия к нему вы находили в себе самих поощрение к трудам в кругу этой науки. Юному сердцу вашему дороги были и слабые доказательства тех качеств, которыми вы одарены. Вы легко забывали и отсутствие дарований и малую степень

самостоятельности и, наконец, непрочность системы, которыми знаменуется настоящее университетское преподавание. Позвольте же мне, в ответ на ваше письмо, высказать желание, которое да будет звеном, связующим в отечестве нашем людей, дорожащих его целостностью и его свободно разумным развитием. Это желание подсказано нуждами нашего отечества и громко может быть произнесено устами старого поколения.

В то время, когда преобразования требуют естественного роста, когда успехи особенно наук призывают к труду и к борьбе, мы люди старого поколения в тиши творим о юном поколении одну молитву: Дай Бог, ему во всеоружии выступить на поприще жизни под знаменем двух качеств, выраженных в вашем письме. Да будет пылливость залогом того, что все требования просвещения в отечестве найдут готовых деятелей, которым и общественное мнение и выбор правительства единогласно давали бы поощрительное первенство. Доверие, с которым молодое поколение жертвует свой труд науке, оправдываясь постоянным успехом, содействует непрерывному ходу в развитии просвещения, открывая свободное преемство среди многих достойных еще достойнейшим избранным».

Популярность Григоровича между университетской молодежью столько же объясняется его профессорскими качествами, сколько его беспримерной добротой, которая побуждала его даже к тайным благодеяниям. Но он умел соблюдать границу и не жертвовал высшими своими интересами ни в пользу популярности, ни в пользу гуманности. Эти высшие интересы его я желал бы провозгласить с особенным напряжением, ибо они нам всем одинаково дороги, это честь и достоинство университета. В одесский период деятельности Григоровича были такой случай, который потребовал от него открытого заявления: что он ставит выше – интерес студентов, или принцип чести и достоинства университета. Это довольно еще памятная история Б. Григорович считал себя обязанным энергично выступить в этой печальной истории против тенденции, заявленной некоторыми студентами, чтобы профессор сделал публичное в собрании студентов извинение, и вот как мотивировал свой протест:

«Желание придать торжественность объяснению, желание выслушать извинение профессора в соборном присутствии молодых людей, считаю невыносимым. Находясь с профессором Б. на одной почве, представить себе не могу ничего позорнее, как тот способ объяснения, который вызван неприличием умышленным или неумышленным г. Б. Сам Гусс предпочел бы приговор, осуждающий его на сожжение, чем согласился удовлетворить прихоти, какого бы то ни было, собора. Собор этот желал

показать свою силу в университете, а я уверен, что Гусс, как профессор, пришел бы в отчаяние, увидя в стенах университета торжество осуждения, которое обыкновенно бывает на площадях. Университет может быть только поприщем мирных соглашений, а не торжественных позорищ. Начальство, принявшее строгие меры против такой демонстрации, руководилось нравственной необходимостью. Эти меры предохранили молодое поколение от такого поступка, какой бы не нашел оправдания далее у тех, которые оправдывают сожжение Гусса. Он лег бы на память их пятном глумления над профессором, оскорбленным за невнимание к науке, которую он освящал в своем сознании. Время докажет, что удовлетворение этого желания было бы несчастьем университету, а еще более молодым людям, в которых, конечно, кроме чести В., должен пробуждать участие и этот недавно возникший университет».

В 1876 году Григорович вышел в отставку и поселился в Елисаветграде, где и умер в заботах о своих неоконченных научных предприятиях. Несколько учеников и почитателей охраняют его могилу от забвения.

Пробегаю мыслью деятельность В. И. Григоровича, я не могу не признать, что это был далеко не заурядный «тяглый» человек, каким он любил выдавать себя. Сильным и самобытным умом проникнуты все его произведения особенно казанского периода, самые сухие вопросы филологии он успел одухотворить горячим чувством национального самосознания. Затронув разнообразные области русской науки, он в каждой нашел живые и увлекательные стороны, обращавшие к ним симпатии других. В молодом университете, не имевшем еще устоев на новой почве и лишенном традиций, Григорович является громадной нравственной силой, полагавшей первые основы для устоев и преданий, без которых не может жить такое учреждение как университет. Накануне открытия университета он высказывал опасение, что ему несдобровать в Одессе, через пять лет он уже сам указывает в местных изучениях твердую почву для университетской науки.

Мм. Гг.! Своим настоящим собранием, посвященным чествованию памяти Григоровича в день 25-летия университета, мы торжественно свидетельствуем, что для нас нет более повода разделять опасения Григоровича и что мы стоим на почве добрых традиций, которые да развиваются и укрепляются под сенью Императорского Новороссийского Университета.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ

В.И. Григоровича¹⁵

Краткое обозрение славянских литератур 1841 г.

Программа преподавания теории словенских языков и литературы словен в ее главнейших эпохах. Уч. Зап. Каз. Ун. 1842 г. (?).

Опыт изложения литературы словен в ее главнейших эпохах, ч. 1–ая и 2–ая эпохи (до половины XI и до конца XIV в.) в Учен. Зап. Каз. Университета 1842 г., книга 3–я, и отдельно 1843 г.

Болгарские песни, Григоровичем собранные, сообщены в хорватском повременнике Коло. Загреб. 1847 г. IV и V.

О св. Клименте Болгарском в *Časopisu Českého Mus.* 1847 г. ¹⁶

О болгарских училищах, в чешск., газете *Kwětu*.

Изыскания о Словянских Апостолах произведенные в странах Европейской Турции Ж. М. Н. Пр. 1847 г.

Протоколы Константинопольского Патриархата XIV столетия, там же.

Краткая записка о путешествии магистра Григоровича, тоже.¹⁷

Очерк путешествия по Европейской Турции, отчет В. И. Григоровича, в Уч. Зап. Каз. Ун. 1818 г. кн. III и отдельно. 2–е издание, посмертное, М. 1877 г.

Памятники XV века, Временник 1850 г. кн. V.

Чтение о древней письменности словян (лекция в присутствии Мин. Нар. Просвещения 17 сент. 1851 г.) Ж. И. Н. Пр. 1852 г. № 3.

Записка о древнейших памятниках церковнославянских, в Изв. 2 Отд. Имп. Ак. Н., 1. стр. 86.

Статьи, касающиеся древне–славянского языка. Казань 1852 г.; здесь помещены: а) О значении церковнославянского языка, речь произн. в торжественн. собр. Общ. люб. отеч. словесн. при Каз. Ун. 20 сентября 1851 г., б) О трудах, касающихся древнего славянского языка до Мелетия Смотрицкого, в) Предварительные сведения, касающиеся литературы церковно–словянской: о древней письменности словян (о глаголите), г) О древнейших памятниках церковно–словянской литературы и д) Замечание о лексикальном изучении рукописей, писанных на древне–славянском языке.

Описание четвероевангелия, писанного глаголицей, из собств. рукописей ¹⁸ Изв. Ак. Н. по II отд. II, стр. 242. 1852 г.

Об Охридской Архиепископии.

Послание русск. митр. Иоанна II, Уч. Зап. 2 Отд. Ак. Н. I, 1854 г.

Письмо к Срезневскому о своих работах, с описанием одной рукописи XV в., в Изв. И. Ак. Н. по II отд. VII, стр. 219. 1857 г.

О Сербии в ее отношении к соседним державам в XIV –XV в. (речь, сказанная в 1858 г. на Унив, акт) Каз. 1859 г.

Древне–словянский памятник, дополняющий житие Свв. Апостолов Кирилла и Мефодия, содержания службы им. Каз. 1862 г.¹⁹ и 2–е издание в Кир. Меф. Сборник 1865 г.

Речь на тысячелетие России на старо–словянском языке 1862 г.²⁰

Литографированные лекции о славянских наречиях и церковно–славянском языке. Каз. 1863.

Исторические намеки о значении Херсона и его епархии, 3 статьи в Херс. Эпарх. Вед. 1864 г.

Записка относительно археологических исследований в Херсонесе.

Как выражались отношения Константинопольской церкви к окрестным северным народам и преимущественно к болгарам в начале X века. Од. 1866 г.

Речь, сказанная у гроба П. С. Билярского, Херс. Еп. Вед. 1867 г.²¹

Несколько слов сказанных по поводу празднования тысячелетия со времени кончины Св. Кирилла. Зап. И. Н. Ун. III 1869 г.

Подробное донесение об испытаниях в Тираспольском училище, Кишиневской гимназии и Болгарских народных училищах в Бессарабии. Циркуляр Од. уч. Округа 1868 г. № 7

Значение взаимности славянской в русском споре о старине и преобразованиях. З. И. Н. У. IV, 1869 г.

Речь о Ц. Борисе–Михаиле, праотце славянского просвещения. Од. Вести. 1870 г. № 87 (перепеч. в Слав. Ежегодник К. 1877 г.).

Из летописи науки славянской. З. И. Н. У. VI. 1871 г.

Отчет Одесск. славянск. Благ. общества за 1870/71 г. Од. 1871 г.

И. А. Коменский, славянский педагог реалист XVIII в. Одесса 1871 года.

Ответ на некоторые вопросы, предложенные к Московск. Арх. Съезду 1869 г. Труды Моск. съезда 1871 г. I, стр. СХХII и след.

О некоторых явлениях народной русской жизни в эпоху преобразования Петра Великого. 1872 г.

Заметки о Солуне и Корсуне. Од. 1872 г.

Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днестра и Днестра. Од. 1874 г.²²

40) Отчет о поездке в С.–Петербург с 25–го июня по 8–е октября 1875 г., заключающий Записку о пособиях к изучению южнорусской земли, находящихся в военно–ученом архиве главного штаба З. И. Н. У. XX. 1876 года.

41) Об участии сербов в ваших общественных отношениях, *ibid.* XXI, 1876 г.

42) Герцеговина, в Новор. Календаре для Южн. России, изд. И. Ф. Федоровым на 1877 год.

После смерти В. И. Григоровича были напечатаны:

43) Что значит Россовлахия в греческих документах, реферат читанный на III Шевск. Арх. Съезде 1874 г. в Трудах К. Арх. С. 1878 г. I, стр. XXX и II, 49.

44) Что значит слово толковин, или толковник в русских летописях и в Слове о Полку Игореве, тоже *ibid.* I. стр. LXIV.

45) Межигорский монастырь и Запорожье, тоже *ibid.* I, стр. LI.

46) Замечания о языке мариупольских греков, тоже, *ibid.* I, LXI.

47) О посещении Ап. Андрея южнорусской земли и об епископе Иоакиме, тоже, *ibid.* I, LXIV.

48) О рукописи XVII в, найденной в Симбирске и заключающей описание юго-славянских земель, реферат, читанный на II С.-Петербургск. Арх. Съезде 1871 г. Труды С.-Петербур. Съезда, т. II, 1881 г., стр. 40²³

49) Славянские древности, изд. А. И. Смирновым. Варш. 1880 г.

50) Обзорение славянских литератур, Ворон. 1880 г.

51) Славянские наречия, Варш. 1884 г.

52) План путешествия по славянским землям, составленный в 1843 г. Р. Фил, Вестн. 1883 г. ч. 3.

Примечания

¹ - Актовая речь, со значительными сокращениями, произнесенная 1 мая 1890 г. в день празднования Новороссийского Университета

² - Keine grosse Völkergruppe, kein wichtiges Stadium der Geschichte ohne den zu Grunde liegenden Gedanken ist, dass alle Uebergänge und Entwicklungen aus den vorhergehenden sich nachweisen lassen. Hegel.

³ - Известно, что бумаги Григоровича хранятся в Московском Румянцевском Музее

⁴ - В другом месте Григорович пытается анализировать это состояние так: это была минута полного блаженства. Кто пережил такую минуту, того вся остальная жизнь должна состоять в разгадывании того, что ее породило, в прояснениях мыслей, из которых слилось это чувство, в служении пришедшему тогда откровению, в мольбе, чтобы оно никогда не покидало. Пока останется воспоминание этой минуты, человек не посмеет ни в каких обстоятельствах назвать себя несчастным.

⁵ - Григорович энергично восстает против исторического направления, полагающего резкую грань между старым и новым Римом. «Древний Рим был разрушен, но он обновился новой жизнью, и этого обновленного града не в силах были разрушить никакие силы. Он уже прославился тогда славой первых апостолов, пришедших в него, как в первый город языческого мира и оставивших в нем свои тела – два светлых ока вечного града. Последовавшие им в Риме епископы, справедливо возвеличенные славой своей кафедры, стали снова созидать на ней свою несправедливую всемирно земную власть. И снова привлеченные ею народы и царства стали злоупотреблять имя Римское. Виновники этих злоупотреблений то теряли частью свою власть, то опять распространяли ее новыми завоеваниями и наконец совсем некогда должны ее утратить Но Римский народ живет со всеми своими особенностями, как вечным останется Рим, двукратно воспитавший и образовавший европейские народы... Только на том Востоке Европы, куда и в древности не успело проникнуть ни даже имя Рима, возникло независимо от него и без малейшего его влияния царство, которое расширилось превыше древнего Римского царства. Оно оттолкнуло от себя властолюбивые козни римского епископа, объемлющего весь мир. Оно сотрет, может быть, его гордыню и везде, где он еще доселе посягает на всегда независимо от него остававшуюся чистейшую церковь Христову. Но оно не восставало и не

восстанет на Рим. Новое царство Судеб Божьих и Вечный град времен не имеют ничего, чем бы считаться между собой, никакое прошедшее не стоит между ними, и будут справедливы они друг к другу и признают себя взаимно.

⁶ - Вестáлки (лат. *virgo vestalis*) – жрицы богини Весты в Древнем Риме. Википедия. Прим. электронной редакции

⁷ - Более важные рукописи: Краткое житие Климента Величского, Греческая Псалтырь XI в., Глаголическое евангелие XI в. Одна часть богатого рукописного собрания Григоровича находится в Новороссийском Университете, другая в Московском Румянцевском Музее.

⁸ - См. Исторический Вестник сент. 1888 г. статью проф. А. А. Кочубинского: О. М. Бодянский в его дневнике. Бодянский подвергся каре за помещение в издаваемых им чтениях в Обществе Истории и Древн. Записок Флетчера о Московии.

⁹ - По всей вероятности, эта лекция произнесена потом в Казани в 1851 году. К ней сейчас возвратимся.

¹⁰ - Напечатана в сборнике «Статьи, касающиеся древнего славянского языка». Казань, 1852

¹¹ - По всей вероятности, эта лекция произнесена потом в Казани в 1851 году. К ней сейчас возвратимся.

¹² - В отчете за первый год деятельности университета приведены следующие имена доселе еще здравствующих товарищей Григоровича: Павловский, Богдановский, Юргевич, Леонтович и Модестов.

¹³ - Фанарио́ты (греч. Φαναριώτες, рум. Fanarioți, тур. Fenerliler) – исторически, собирательное название этнически греческой элиты в Османской империи, селившейся в районе Фанар в европейской части Константинополя в XVI – начале XX веков, близ резиденции Константинопольского Патриарха (в монастыре святого Георгия в Фанаре с начала XVII века), который в оттоманской системе администрации был признан в качестве главы (этнарха, миллет-баши) православного миллета (общины; осман. *millet-i Rûm*). – Википедия. Прим. электронной редакции

¹⁴ - Жеребей – часть, до́ля поместья при поместной системе землевладения на Руси. – Википедия. Прим. электронной редакции

¹⁵ - Обязательно доставлен нам профессором А.И. Макаревичем

¹⁶ - Срезневский указывает, что в некоторых исследованиях Шафарика видны следы сведений, сообщенных Григоровичем.

¹⁷ - Известие о путешествии помещено было еще в литер прибавл. к

Ж. М. Н. Пр. 1844 г.

¹⁸ - О Фотолитографических снимках с него см Викторov – Собрание рукописей В. И. Григоровича, стр. 6–7.

¹⁹ - Сперва представлен был в И. Ак. Наук

²⁰ - Упоминается у Афанасьева.

²¹ - В 1868 г. Григорович прочел два реферата в Общ. Истории и Древностей: 1) Об изучении христианского периода с VII по XI ст. южного края и 2) рецензию на статьи Кондараки о митрополиях в Тавриде, но, кажется, их не напечатали.

²² - См. еще записку Григоровича в прот. 30 мая 1873 г.

²³ - См. Викторov, стр. 36.

Содержание

профессор Федор Иванович Успенский Воспоминания о В.И. Григоровиче 1 профессор Федор Иванович Успенский	1
Примечания	24